

Сяо Тан, хоть и знала несколько иероглифов, не осмеливалась нарушать правила этикета и сразу же отступила на несколько шагов назад:

— Молодой господин, не шутите так. Если господин и госпожа узнают, мне точно достанется порка.

— Ничего страшного, — настаивал Нин Хуай, — в этой комнате только ты, я и Цинчжу. Никто не узнает.

Он протянул ей письмо:

— Прочитай, и всё поймёшь.

Сяо Тан, дрожа, взяла письмо, и через несколько мгновений её лицо выразило те же эмоции, что и у Нин Хуая.

Нин Хуай пробормотал:

— Это почерк А Сяо...

Сяо Тан была потрясена:

— Но это совсем не похоже на господина Лу...

Хозяин и служанка молча смотрели друг на друга. Нин Хуай задумчиво разглядывал письмо, переворачивая его в руках. Внезапно он вскрикнул, и в комнату ворвались четверо слуг. Нин Хуай смущённо улыбнулся:

— Ничего страшного, я случайно испортил иероглиф. Можете идти.

Видимо, Лу Сяо не хватило опыта: письмо, которое было вскрыто и заново склеено, прошло через почтовую станцию незамеченным, добралось до Чанъаня и только в руках Нин Хуая разорвалось. Если бы Лу Сяо знал, что Нин Хуай давно забыл о той книге и только благодаря этой случайности раскрылась тайна, он бы непременно поблагодарил небеса и сходил в храм, чтобы исполнить обет.

Нин Хуай осторожно разделил слои письма. На внутренней стороне виднелся тонкий слой серого клея, а на втором слое бумаги было всего три чернильных точки! Нин Хуай был в полном замешательстве, не понимая, что замыслил Лу Сяо.

Он бережно взял тонкий лист с тремя точками, перевернул его несколько раз, даже подумывал взять чайник, чтобы смочить бумагу и посмотреть, не проявятся ли, как в романах, строки скрытого текста.

Нин Хуай провёл рукой по лбу, бросил лист на стол, накрыв его другим слоем бумаги, и вдруг заметил, что точки совпали с тремя иероглифами на искусно составленном письме.

«Искать», «знать», «даровать».

Кто такой «знающий даритель»?

Нин Хуаю это имя показалось знакомым, но он не мог вспомнить, где слышал его. В этот момент раздался стук в дверь, и он поспешно спрятал письмо под книгой, притворившись, что всё ещё упражняется в каллиграфии. Нин Ду сразу понял, что брат снова отлынивает. Нин Хуай выровнял лист бумаги и смотрел на старшего брата с мольбой в глазах:

— Старший брат, ты всё время следишь за моими занятиями, а сам не уделяешь времени жене.

— Если бы ты прилагал больше усилий, не пришлось бы всей семье следить за тобой, — взглянул на него Нин Ду, из рукава выпала стопка бумаг. — Это статьи Ци Цзяньсы за последние два года. Я специально попросил их у него. Почитай, может, хоть чему-то научишься, а если нет, хотя бы потренируешься в каллиграфии.

Нин Хуай с улыбкой взял бумаги, слушая, как брат ворчит, и листал статьи своего главного соперника среди молодых аристократов.

— У «знающего дарителя» прекрасный почерк, многие ученики мечтают получить его образцы для подражания, но не могут...

В голове Нин Хуая грянул гром, и он понял, что перед «знающим дарителем» нужно добавить фамилию Ци.

Неспроста Лу Сяо устроил такой сложный путь, чтобы через него найти Ци Цзяньсы. Видимо, положение Лу Сяо было крайне тяжёлым. Нин Хуай резко поднял глаза:

— Старший брат, сходи к брату Ци и попроси его прийти ко мне, чтобы он дал мне несколько советов.

Солнце, видимо, взошло на западе, потому что Нин Ду хлопнул рукой по столу:

— Чушь! Что ты ещё задумал? Не стоит ради такой мелочи беспокоить его. Как я могу просить его тратить время на такие пустяки?

Нин Хуай не обиделся, а начал уговаривать брата, пока тот не сдался и не согласился.

Ци Цзяньсы с радостью согласился, ведь и у него был свой интерес. Прошло почти два месяца с тех пор, как Лу Сяо уехал, а он так и не получил ни одного письма с известиями. Ци Цзяньсы был скромным человеком и давно хотел спросить Нин Хуая, получал ли он письма, но боялся, что если у Нин Хуая они есть, а у него нет, это только усилит его досаду.

Сегодняшняя просьба Нин Ду стала для него удобным предложением.

В присутствии Нин Ду Нин Хуай официально поприветствовал Ци Цзяньсы. Тот, скрывая свои истинные намерения, с виду спокойно ответил:

— Всё в порядке, второй сын. Если у вас есть вопросы, спрашивайте, я с радостью поделюсь своими знаниями.

Однако когда они вошли в кабинет, всё изменилось.

Нин Хуай приказал двум слугам остаться у дверей, достал с полки что-то из сандалового дерева и протянул Ци Цзяньсы вчерашнее письмо, приговаривая:

— Вчера, при свете лампы, я читал стратегические рассуждения брата Цзяньсы, написанные во время экзаменов...

Сяо Тан подала ему знак, и Нин Хуай, бросив книгу, понизил голос:

— Это письмо привезли вчера из Юньчжоу. Наложь вторую бумагу на первую, и ты всё поймёшь.

Иероглифы «Искать знающего дарителя» чётко проступили перед глазами Ци Цзяньсы. Он собрался с мыслями:

— Когда Лу Сяо впервые написал тебе? Сколько раз вы переписывались?

Нин Хуай подумал:

— Двенадцатого марта. Первый раз он сообщил, что всё в порядке, второй раз мы просто поболтали, а это третье письмо.

Лу Сяо уехал в конце февраля, и время сходилось. Сейчас уже начало мая, и за это время Лу Сяо не раз пытался передать письма им обоим, но получил ответ только от Нин Хуая. Учитывая текущую ситуацию, Ци Цзяньсы не решался строить догадки о том, что именно хотел сказать Лу Сяо, но было ясно, что тот оказался в одиночестве, окружённый врагами.

Однако Лу Сяо вряд ли приложил столько усилий только ради трёх слов, и Ци Цзяньсы не мог основываться на предположениях, чтобы доложить императору. Он спросил:

— Он отправил только это письмо? Больше ничего не было?

Нин Хуай вспомнил:

— Ещё два рулона облачной парчи!

Он достал парчу и принялся её разглядывать, но ничего не обнаружил. Ци Цзяньсы сжал в руках мешковину, в которую была завернута парча, и мрачно сказал:

— Не нужно больше смотреть.

На внутренней стороне мешковины был изображён птенец ласточки, а парча предназначалась Нин Хуаю для балдахина.

Гнездо ласточки на занавеси.

Из Цинланьского перевала продолжали поступать радостные известия, и император Юнькан был доволен, на заседаниях он чаще улыбался.

Несколько чиновников по очереди льстили ему, один говорил, что император хорошо выбрал кандидата, второй принц оправдал ожидания и одержал победу, что он очень похож на императора. Следующий тут же подхватил, что величие императора потрясает все стороны света, и никакие остатки прежней династии не смогут поднять голову. Сначала хвалили сына, потом отца, подчёркивая важность императора, что привело его в отличное настроение, и он действительно начал думать, что империя не может обойтись без него.

Император Юнькан, пребывая в хорошем расположении духа, стал более активным на ежедневных заседаниях. Ци Цзяньсы воспользовался моментом и поднял вопрос, оставшийся с прошлых лет.

Несколько десятилетий назад в империи был принят закон о продаже соли, который распространился из Юньчжоу на другие регионы. Император Юнькан, чтобы узнать о результатах его исполнения, направил несколько инспекторов из Палаты цензоров для проверки. После стабилизации ситуации был учреждён новый пост инспектора по соляным делам, который каждый год отправлялся в инспекцию.

Раньше эту должность занимал один из заместителей цензора, но два года назад он чем-то не угодил императору Юнькану и был отправлен в провинцию, а пост инспектора по соляным делам остался вакантным.

Транспортировка государственной соли всегда была открытой, продажа соли регулировалась местными властями, о чём чётко писалось в докладах, и чиновники каждый год должны были отчитываться перед императором во время визитов в столицу. За несколько десятилетий не произошло ни одного инцидента, и постепенно император Юнькан перестал уделять этому внимание.

Ци Цзяньсы неожиданно поднял этот вопрос, и император Юнькан вспомнил:

— Да, уже два или три года не проводилось инспекций по соляным делам.

Император Юнькан погладил бороду:

— Это не так уж важно. Цинь, разберись с этим.

На следующий день император Юнькан получил доклад Ци Цзяньсы, в котором было много слов, но суть заключалась в том, что он решил лично отправиться в инспекцию.

Это действительно не было чем-то значительным, но император Юнькан был удивлён, что Ци Цзяньсы сам решил взяться за это. Хотя он и опасался, что отец и сын Ци одновременно находятся при дворе, он всё же понимал, что если никого из них не будет, это может привести к хаосу.

Когда Ци Цзяньсы прибыл из своей усадьбы в зал для аудиенций, император Юнькан уже ждал его некоторое время. Увидев доклад Ци Цзяньсы, он сразу же издал указ, чтобы тот немедленно явился во дворец. Увидев его, император принял вид, будто только что закончил просмотр докладов и случайно решил поговорить:

— Цзяньсы, такие мелочи, как инспекция по соляным делам, можно поручить подчинённым. Зачем тебе самому этим заниматься?

Ци Цзяньсы с невозмутимым видом ответил:

— Должность инспектора по соляным делам пустует уже три года, и за это время не проводилось ни одной инспекции. Я беспокоюсь, что местные чиновники перестали относиться к этому серьёзно. Если Палата цензоров отправит инспектора с императорским указом, это будет лицо Вашего Величества. Я долго размышлял и решил, что для демонстрации важности и для примера другим, мне следует временно взять на себя эту должность.

<http://bllate.org/book/15439/1369310>